

«Мало того, что я трудоголик, так я еще и перфекционист. Мне хочется свою работу делать так, чтобы все было идеально»

Фотограф: Екатерина Штукина/Газета

нителю традиций все были по мужской линии. Святитель Филарет скончался в 1799 году, как раз в тот год, когда Пушкин родился. А у него был отец Федор Игнатьевич, это середина восемнадцатого века, а у того был отец Игнатий Дроздов. Мы даже отчества его не знаем. Все они были священниками. Еще был его брат Никита Дроздов, затем Кондратий Никитович, Иван Кондратьевич, Иван Иванович и Сергей Иванович — это мой дедушка. Он уже не был священником.

Мой отец был глубоко верующим человеком. У меня до сих пор хранится Евангелие, принадлежавшее моему деду Сергею Ивановичу. Когда он перешел во второй класс духовной семинарии города Зарайска Рязанской области, его отец Иван Кондратьевич подарил ему эту книгу. Это Евангелие издания 1885 года. Сейчас это такая старенькая книжечка, и я ее очень трогательно берегу. В ней есть дарственная надпись: «Ученику Зарайского духовного училища Сергею Дроздову за отличные успехи и примерное поведение по случаю окончания первого класса. Директор училища такой-то». А на обратной стороне, уже на последней страничке, написано: «Дорогой Сережа, желаю тебе и в дальнейшем хорошо учиться. Господь благословит тебя. Обрадованный отец. Священник Иоанн Дроздов». Это мой прадед написал моему деду.

Сложно было выживать семье в советские времена?

По-разному. Я помню, мой отец показывал мне портрет святителя Филарета, который висел в Историческом музее. Отец меня к нему подводил, и на нем было написано: «Святитель Филарет». А отец мне говорил: «Это святитель Филарет, а в миру его имя было Василий Дроздов. Это твой предок, но только ты никому об этом не говори. Сам сюда ходи, смотри, но помалкивай». А недавно Филарета причислили к лику святых.

Почему вы стали заниматься зоологией? Вы, наверное, по стопам отца пошли? Я знаю, что отец у вас был ученый, профессор.

Отец был не зоолог, а химик. Занимался органической химией. Работал на стыке медицины, химии и биологии. Изучал лекарственные растения, много работал в институте тропической медицины, преподавал в медицинском институте. Но его воспитание, конечно, сказалось. Он мне в детстве все позволял: животных держать, гербарии собирать, насекомых ловить, и со мною вместе занимался наблюдениями за природой, учил латинским названиям растений. Поэтому у меня сомнений не было, по какому пути идти после школы, причем с самого незапамятного детства. И в 16 лет я поступил в МГУ на биофак.

А почему вы ушли с биофака МГУ с первого или второго курса?

Ну, это просто был такой период — я хотел попробовать, можно ли самому себя прокормить. Это был дурацкий возраст,

17 лет, юношеский бунт против родителей. Конечно, это было влияние сверстников и друзей моего старшего брата. Они меня стыдили, что я вишу на шее у родителей. Убеждали, что надо себя во взрослой жизни попробовать, на жизнь самому зарабатывать. Казалось бы, все так успешно развивалось: в 16 лет окончил школу, поступил в университет, перешел на второй курс, и тут начались поиски себя. Прихожу я к родителям, говорю: «Что если мне пойти работать?» А родители: «Ты что, взбесился что ли?!» Но я пошел. Теперь это все так смешно выглядит. Слава Богу, сейчас уже все в прошлом, но ведь и мои дочери через это прошли. Старшая дочь уходила из дома и жила отдельно. Никто ее, конечно, не гнал, просто ей хотелось самостоятельно пожить. И младшая дочка тоже два года торчала на какой-то квартире, и мы с женой очень переживали, даже боялись за нее. Но все обошлось. Сейчас она уже внука нам растит.

А куда вы, бросив университет, пошли работать?

Портным пошел. Причем работал очень успешно и сразу после ученика получил седьмой разряд. Такого тогда не бывало. Я пошел в ателье учеником. Обычно тогда год учились и получали третий разряд. Четвертый получали те, кто очень хорошо закончил учебу, а пятый можно было получить, если ты просто гигант. И вдруг мне по окончании учебы дают седьмой разряд. Никто не знал, из какой я семьи, что у меня отец профессор, а что я буду-

щий телеведущий — и подавно никто не догадывался. А мне дали седьмой разряд.

Видимо, у вас какие-то способности были к портновскому ремеслу.

Понимаете, просто я люблю делать все как следует, независимо от того, чем я занимаюсь. Мало того, что я трудоголик, я еще и перфекционист. Мне хочется свою работу делать так, чтобы все было идеально. Правда, я все делал медленно, но так, чтобы уж качество было абсолютное. Для получения разряда мне нужно было сшить пальто или костюм. И я стал шить пальто, как сейчас помню, из серого ратина в елочку, и таких там понаделал сложных деталей, которые обычно никто из учеников не делает. Детали были такие сложные, что, когда мастера увидели это пальто, сказали, что такое делают только люди, проработавшие уже много-много лет, которые уже в закройщики переходят. Закройщик — это был восьмой разряд. А самый высший портновский разряд — седьмой. И мне его дали и предложили по распределению идти в ателье ГУМа учеником к знаменитому закройщику Шнейдерману. Тут я что-то испугался и вместо ГУМа пошел поступать в пединститут. Ситуация была уже слишком рискованная. Я поступил в МГУ, когда мне было 16 лет, а когда мне предложили идти к Шнейдерману, мне уже 19 должно было исполниться. И если бы я косени не поступил в институт, можно было уже и в армию загнать. Вообще я считаю, что армия в то время